

Иван КОННОВ

ГОЛОС БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Иван Глебович Коннов родился в 1945 году в селе Ивановка Асекеевского района. После службы в армии окончил Оренбургский педагогический институт. Преподавал русский язык и литературу в одной из бузулукских школ, работал в партийных органах, в областном киноvideообъединении и администрации области. Член Союза писателей России. Автор нескольких литературоведческих книг и многочисленных газетных и журнальных литературно-краеведческих очерков, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» им. Валериана Правдухина. Живёт в Оренбурге.

«Никто не забыт, ничто не забыто», — эти слова знает каждый уважающий себя человек, родившийся в СССР. Но мало кому известно, что принадлежат они величайшему поэту блокадного Ленинграда Ольге Фёдоровне Берггольц. После войны именно ей Ленсовет предложил написать торжественную эпитафию на гранитной стеле Пискаревского мемориального кладбища, где покоятся 470 тысяч горожан, умерших от голода, погибших от бомбёжек и артобстрелов, павших в боях на подступах к северной столице. Сама она вспоминала: «Когда в один из ненастных осенних дней 1959 года мы приехали на место мемориала и прошли по этой страшной земле, мимо огромных холмов-могил к ещё слепой и безгласной стеле, меня охватило невыразимое чувство печали, скорби, полного отчуждения. Я поглядела вокруг, на эти страшнейшие и героические могилы, и вдруг подумала, что нельзя сказать проще и определённей, чем:

*Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины,
женщины, дети.*

*Рядом с ними
солдаты-красноармейцы.*

*Всею жизнью своею
Они защищали тебя,
Ленинград, колыбель революции.
Их имён благородных мы здесь
перечислить не сможем,*

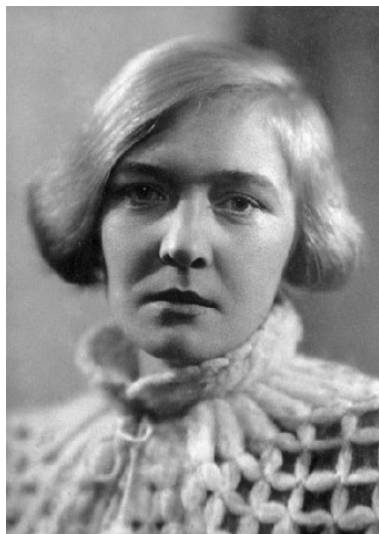
*Так их много под вечной
охраной гранита,*

Но знай, внимающий этим

камням:

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!»

О.Ф.Берггольц. Довоенный снимок

О блокаде Ленинграда написаны сотни книг, авторами которых были писатели, поэты, журналисты, историки. Но когда мы перечисляем их имена, имя О.Ф.Берггольц стоит всегда в первом ряду. В том, что город на Неве выстоял и не сдался врагу, есть и её немалая заслуга. В начале 1942 года голодный и замерзающий Ленинград, проживший зиму без хлеба и газет, наконец услышал долгожданный человеческий голос в чёрных тарелках-динамиках. Это был голос Ольги Берггольц. «Голос, полный неподдельной любви и сострадания, голос, опалённый ненавистью к врагу, голос, взывающий к жизни и борьбе», — писал о нём Фёдор Абрамов, который впервые услышал его в нетопленном госпитале, размещённом в одной из университетских

аудиторий. Её называли «музой блокадного города», «мадонной блокады», но самым дорогим подарком для неё была немудрёная народная фраза «Наша Оля»...

Ольга Фёдоровна Берггольц родилась 16 мая 1910 года в Петербурге, в семье заводского врача, жившего в районе окраинной Невской заставы. После победы революции семье пришлось нелегко, поэтому Ольга вместо института благородных девиц поступила в обычную трудовую школу. По её окончании в 1926 году начинает работать курьером в издательстве «Красная газета». К этому времени она уже постоянно пишет стихи, но ей не хватает творческого общения, помощи профессионалов. Кто-то посоветовал пойти в литературную группу «Смена». Там собиралась талантливая, ищущая

литературная молодёжь: Б.Корнилов, А.Гитович, Б.Лихарев, Г.Гор. «Мы встречались не реже двух-трёх раз в неделю в доме №1 по Невскому проспекту, — вспоминала Ольга Фёдоровна. — На седьмой этаж всходили без какого бы то ни было придыхания и тут же начинали читать стихи и спорить. Там я увидела коренастого низкорослого парнишку в кепке, сдвинутой на затылок, в распахнутом пальто, который независимо, с откровенным и глубочайшим оканьем читал стихи». Этот был нижегородец Борис Корнилов, поэт-самородок, прославившийся впоследствии как автор слов знаменитой «Песни о встречном» на музыку Д.Шостаковича. Через некоторое время Корнилов и Берггольц поженились, родилась дочь Ирочка. Супруги поступили на Высшие государственные курсы при Институте истории искусств. Борис на курсах не задержался, а Ольга несколько лет спустя была переведена на филологический факультет Ленинградского университета, который закончила в 1930 году. К тому времени они с Борисом Корниловым расстались, слишком разными оказались их взгляды на жизнь и творчество. Поэтическое мастерство Берггольц зрело постепенно, тогда ещё никто не предугадывал уже таящейся в её стихах незаурядной силы. Рост Корнилова, напротив, был стремительным, он как бы обгонял своё время. В его стихах было больше напора, экспрессии, его образная сила была густой и динамичной.

В докладе на I съезде советских писателей тогдашний идеолог партии Н.И.Бухарин восторженно отозвался о стихах Корнилова. Эта весьма объективная похвала сыграла роковую роль в жизни поэта. В 1937 году Бухарин был арестован как «злостный враг народа», такой же ярлык получил и Корнилов за «написание и распространение контрреволюционных произведений». В начале 1938 года поэт и его высокий покровитель были расстреляны.

Вскоре была арестована и Ольга Берггольц. Она была замужем, ждала ребёнка, но пристрастное следствие привело к его потере. Через полгода Берггольц была освобождена. Из тюрьмы её вызволил глава Союза писателей СССР Александр Фадеев. К нему, рослому, видному, способному на опрометчивый поступок и абсолютно верному власти, благоволил сам Сталин. Фадееву сходило с рук то, за что любой другой высокопоставленный литературный функционер давно поплатился бы головой. Позже Ольге Фёдоровне стало известно, что Фадеев обивал ради неё все пороги, ходил в НКВД, ручался своим партбилетом, говорил, что дойдёт до самого «хозяина»... Через много лет, узнав, что Фадеев покончил с собой, Берггольц помчалась на вокзал в чём была — в домашнем платье, без пальто, только бы успеть, только бы в последний раз взглянуть ему в лицо...

Ощущение свободы после тюрьмы не принесло Ольге Фёдоровне желанного утешенья:

Журналист и литературовед Николай Молчанов, второй муж О.Берггольц

*О, грозный вечер возвращения,
Когда, спалённая дотла,
Душа моя не приняла
Ни мира, ни освобожденья.*

Но мужественная женщина нашла в себе силы не стать затворницей, не заниматься самообразованием. И большую роль в этом сыграл её второй муж Николай Молчанов, который, по словам поэтессы, «своей любовью небывалой меня на жизнь и мужество обрек...»

Они познакомились во время учёбы в университете, поженились и, получив дипломы, сразу же отправились в глубинку, в Казахстан: там их ждала работа в газете «Советская степь». Азия завораживала и притягивала, и, когда Николая призвали на военную службу, он остался служить на

туркестанской границе. Там ещё шла борьба с басмачами. О том, что муж отбился от своих и попал в плен, Ольга узнала, когда его комиссовали: прежде Николай был крепок, как молодой дубок, а к ней вернулся инвалидом. Басмачи закопали Николая в землю по плечи, и он три дня мучился под палящим солнцем, пока на него не наткнулся конный развед. Его спасли, но с тех пор у Николая начались эпилептические припадки: внезапные, страшные, длящиеся подолгу.

Когда началась война, Молчанов, будучи инвалидом, мог бы эвакуироваться. Могла покинуть город и Ольга Фёдоровна, чтобы вместе с мужем спокойно переждать военное лихолетье в Ташкенте или Алма-Ате. Но они предпочли остаться в осаждённом Ленинграде. «Я должна была встретить испытание лицом к лицу, — писала Берггольц в автобиографии 30 лет спустя. — Я приняла: наступило моё время, когда я должна отдать Родине всё — свой труд, свою поэзию. Ведь жили же мы для чего-то все предшествующие годы».

*Мы предчувствовали полыханье
Этого трагического дня.*

*Он пришёл. Вот жизнь моя,
дыханье.
Родина! Возьми их у меня!*

В первые же дни войны поэтесса пришла в Ленинградское отделение Союза писателей и спросила, чем может быть полезна. Её направили в распоряжение

литературно-драматической редакции городского радио. Через некоторое время её негромкий голос стал голосом долгожданного друга в застывших и тёмных блокадных домах, голосом самого Ленинграда. Он источал необычайную энергию, вселял надежду, и жизнь продолжала теплиться. Она делала репортажи с фронта, поддерживая свои обращения к ленинградцам мужественными и доверительными стихами.

*Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но мы не забыты с тобой,
не одни, —
И это уже победа.*

Её голос знали, её выступления ждали. Воин-поэт Сергей Наровчатов, сражавшийся на Волховском фронте и слышавший поэту по радио, назвал её голос «струной, звенящей в тумане». Этот гоголевский поэтический образ, не раз появлявшийся в стихах самой Берггольц, олицетворял неистребимую любовь к людям, милосердие и сострадание, в котором так нуждались жители города-мученика. О том, какую значимость для поднятия духа блокадников имела её работа, говорит тот факт, что она была внесена немцами в чёрный список лиц, подлежащих после взятия города немедленно уничтожению.

Голос Ольги Берггольц звенел в эфире три с лишним года, почти ежедневно обращаясь к ленинградцам. Возникший однажды перерыв вызвал шок.

Люди прибрели на улицу Профсоюзную, в Радиокomitee, чтобы сказать: мы выдержим, но пусть наша Оля не молчит! Можно было подумать, что с горожанами беседует человек, полный сил и здоровья, но Ольга Фёдоровна существовала на таком же голодном пайке, как и её слушатели. В январе 1942 года от дистрофии умер её муж Н.Молчанов. «Плакала за всю блокаду один раз, когда шла из госпиталя, где умирал Николай», — гласит запись из её блокадного дневника. Поделиться своим горем она отправилась за пятнадцать вёрст к отцу, пожилому врачу. Шла через полувымерзший город, ослабевшая от голода, с коркой хлеба и одной папиросой на целый день (вторую берегла для отца). Идти пришлось по снежным сугробам, через покрытую льдом Неву, чуть ли не на каждом шагу спотыкаясь о трупы. Добравшись наконец до цели, она нашла отца полумёртвым от голода, в окружении умирающих пациентов.

Как-то её подруга Вера Кетлинская пригласила ответить лепёшек из «причудливого месива, куда основной массой входила кофейная гуща». Идти надо было полтора квартала, в темноте, на ощупь. Возле одного из домов Ольга споткнулась и упала на полужансенного снегом мертвеца. От слабости и ужаса не смогла подняться, стала застывать... и вдруг услышала прямо над собой голос. Свой голос — из репродуктора. Голос несдающегося духа над готовым сдать телом:

*Сестра моя, товарищ мой
и брат, —
Ведь это мы, крещённые
блокадой!
Нас вместе называют —
Ленинград,
И шар земной гордится
Ленинградом!*

Поднялась и дошла до цели.

В 1942 году Берггольц создала свои лучшие произведения, посвящённые защитникам города: знаменитый «Февральский дневник» и «Ленинградскую поэму», десятки пронзительных стихотворений. Её книгу, изданную в кольце блокады тиражом 10 тысяч экземпляров, люди обменивали на хлеб! Более высокой оценки невозможно себе представить. Перед читателями её стихов и прозы проходят потрясающие

блокадные образы: вмерзшее тело у колодца; мальчик с оторванными руками и половиной левой ноги; беременная женщина, чрево которой спас муж ценой собственной жизни, — и над всем этим обугленный венок Славы. «Писать честно, о том именно, что чувствуешь, о том именно, что думаешь, — это стало и есть для меня заветом», — сказала Берггольц в начале своего творческого пути и осталась верна себе до конца. Когда после войны на пленуме правления Союза писателей её упрекнули за пессимизм блокадных стихов, «тему страдания», она с достоинством ответила:

*Но даже тем, кто всё
хотел бы сгладить
в зеркальной, робкой памяти
людей,*

О.Берггольц с А.Фадеевым, К.Симоновым, А.Прокофьевым и другими писателями в 1946 году

Мемориальная доска в память о поэтессе

*не дам забыть, как падал
 ленинградец
на жёлтый снег пустынных
 площадей.*

И пока была жива, не давала забывать, подличать, лгать и отрекаться от того, во что верила сама.

В 1950 году Ольга Берггольц написала героико-романтическую поэму «Первороссийск», посвящённую петроградским рабочим, которые в 1918 году отправились на Алтай для создания коммуны. За эту поэму ей была присуждена Государственная премия СССР. Затем был создан цикл стихов о Сталинграде и трагедия «Верность» о героической обороне Севастополя. О своей судьбе, неразрывно связанной с судьбой страны и народа, Берггольц рассказала в автобиографической повести «Дневные звёзды», над которой работала до последних дней

жизни, мечтая сделать её своей главной книгой. В 1968 году по этой повести известный режиссёр Игорь Таланкин снял одноимённый фильм с Аллой Демидовой в главной роли.

О.Ф.Берггольц была награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями, из которых ей была особенно дорога одна — «За оборону Ленинграда». Умерла она в родном городе 13 ноября 1975 года. Несмотря на прижизненную просьбу похоронить её на Пискаревском кладбище, писательница по воле властей нашла свой последний приют на Литераторских мостках Волкова кладбища. Её именем названа улица в Невском районе Петербурга, на домах, где она жила и работала, установлены мемориальные доски. В год 105-летия поэтессы в Палевском саду города на Неве ей открыт памятник, на котором начертаны строки:

Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы,
ни награды.
Дыша одним дыханьем
с Ленинградом,
Я не героиствовала, а жила.

Интерес к личности и творчеству О.Ф.Берггольц не иссякает до сих пор. Целый ряд её лирических стихотворений положен на музыку, особенно популярной стала песня «Бабье лето» в великолепном исполнении Людмилы Зыкиной. Мало кого равнодушным оставляют её проникновенные слова:

Вот видишь — проходит пора
звездапада,
И, кажется, время навек
разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю,
как надо
Любить, и жалеть, и прощать,
и прощаться.

Редакционный общественный Совет журнала «Гостиный Дворь» поздравляет Ивана Глебовича Коннова, постоянного автора журнала с 75-летним юбилеем и желает обретения гармонии, житейской мудрости, благополучия и крепкого здоровья!